

# ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.24412/2076-8176-2025-4-7-23

## Григорий Александрович Кожевников (1866–1933) — недооцененная фигура в истории российской биологии

### 4. Природоохранная «программа Кожевникова»

*И.Я. Павлинов\*, Н.Н. Спасская*

Научно-исследовательский Зоологический музей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; \* igor\_pavlinov@zmmu.msu.ru

В завершающей статье цикла о научных взглядах проф. Московского университета Г.А. Кожевникова в новом свете рассматривается его вклад в развитие природоохранной стратегии в России в первой трети XX в. Главное содержание вклада Кожевникова предлагается определить как природоохранную «*программу Кожевникова*». Ее основу составляет общий *принцип заповедности* с ключевой идеей *абсолютной заповедности*; для его обоснования и операционализации вводятся пять следующих принципов. *Принцип экосистемности* утверждает, что охранять следует природные сообщества, руководствуясь соблюдением экологического равновесия. *Принцип локальности* подразумевает, что заповедыванию подлежат локальные экосистемы — конкретные заповедные участки. Согласно *принципу научности*, эти участки следует: а) выделять на научной основе, б) в том числе с целью изучения первозданной природы. *Принцип государственности* подразумевает участие государства в природоохранной деятельности в качестве одного из ее ключевых субъектов, разрабатывающего ее законодательную основу. *Принцип эковоспитания* предполагает необходимость просветительской работы, направленной на воспитание у населения любви к живой природе и уважительного отношения к природоохранному законодательству.

**Ключевые слова:** Г.А. Кожевников, охрана природы, «программа Кожевникова», принцип заповедности, принцип экосистемности, принцип локальности, принцип научности, принцип государственности, принцип эковоспитания.

Общее направление развития современной человеческой цивилизации во многом определяется противоречием между необходимостью решения двух мало совместимых между собой базовых задач — необходимостью эксплуатации природных ресурсов, с одной стороны, и их сохранения, с другой. Эти задачи порождены двумя позициями, формирующими общее отношение человека к природе, — антропоцентризмом и биотоцентризмом.

Позиция *антропоцентризма* является в своей основе сугубо прагматической, утилитарной: природа существует для человека, она — «не храм, а мастерская». Эта позиция естественным образом сложилась на заре человечества на основе «животного наследия», ее нынешнее рациональное, сугубо «человечье» обоснование закрепила библейская мифология. Действительно, согласно Книге Бытия (XIII—XII вв. до н. э.) Бог, создав сначала природу, а затем первых людей, заповедовал им: «наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1: 28). Эта архаичная потребительская идея «владычествования» над природой по-прежнему доминирует в современной постиндустриальной цивилизации (Attfield, 1994): ныне ее подчиняют глобальной задаче устойчивого развития человечества, мыслимого не иначе как устойчивое потребление природных ресурсов (Декларация Рио, 1992).

В позиции *биотоцентризма* руководящей является идея сохранения природы ради самой природы, согласно чему природа — это скорее «храм», чем «мастерская». Сколь бы утопической ни была эта идея, ее принципиальная важность заключается именно в целеполагании: сохранение живой природы — это не средство обеспечения устойчивого развития человечества, а самоцель. Она, в качестве своего рода «биоэтического императива», стала постепенно овладевать умами начиная с середины XIX в. и в конечном итоге заложила основания современной *природоохранной стратегии* (Штильмарк, 2005; Борейко и др., 2018). Эта стратегия выстраивается рационально как иерархически организованная концептуальная пирамида: на ее вершине — руководящая идея, она актуализируется некими принципами, допускающими операционализацию, последняя достигается введением различных предписывающих (делай так!) и запрещающих (так не делай!) нормативов, составляющих эмпирический базис стратегии.

Общая природоохранная стратегия с самой начальной фазы ее развития и воплощения в жизнь дробится на частные *природоохранные программы*. Под последними мы имеем в виду не конкретные «бизнес-планы», имеющие отношение к регулированию хозяйственной деятельности в связи с решением конкретных задач охраны природы (напр., Новоселов, Новоселова, 2019). В нашем понимании это некие аналоги исследовательских программ в науке (в смысле И. Лакатоса), организующим началом которых является обоснование природоохранных принципов — частью концептуальное (рациональное), частью аксиологическое (во многом эмоциональное). Общим для всех таких программ является *принцип заповедности*, занимающий вершинное положение в их выше названной пирамиде: он конкретизирует единую природоохранную стратегию с ее ключевой биотоцентрической идеей до признания того, что в сложившейся ситуации охраняется не «природа вообще», ибо сие невозможно, — охране подлежат конкретные природные объекты, для чего организуются заповедники (Штильмарк, 2005). При воплощении этого принципа в жизнь разные природоохранные программы несколько по-разному определяют подлежащие

охране природные объекты и акцентируют внимание на специфических частных принципах их защиты от разрушительного воздействия человека.

Выдающийся вклад Г.А. Кожевникова в развитие общей природоохранной стратегии, основанной на идее биотоцентризма, общепризнан; его многочисленные горячие выступления в защиту дикой природы были образно названы «колоколом Кожевникова» (Борейко, 1996). Но при этом сложившиеся представления о том, как согласно Г.А. должна разрабатываться и реализовываться эта стратегия, являются существенно упрощенными, характеризуя ее как преимущественно *этико-эстетическую* (Стручков, 1995; Борейко, 2013; Борейко и др., 2018). По этой причине вклад героя нашей статьи в развитие названной стратегии, значительно более многосторонний, можно считать действительно недооцененным. На самом же деле он обосновывал необходимость сохранения природы вполне рационально, а отчасти и прагматически, — главным образом ссылкой на принципы функционирования экологических систем; поэтому корректнее его позицию считать *научно-экологической* (Вайнер (Уинер), 1991; Чибилев, 2017; Чибилев, Тишков, 2018).

Настоящая статья посвящена рассмотрению ранних природоохранных программ, оформившихся во второй половине XIX и начале XX в. Самые первые из них мы лишь бегло характеризуем, а основное внимание уделяем тому, что мы предложили называть «программой Кожевникова» (Павлинов и др., 2024). Она включает несколько взаимосвязанных, рациональных в своей основе принципов и представляет собой конкретное воплощение научно-экологической позиции Г.А.

## Зарождение природоохранных программ

Движение мысли, направленное на осознание и обоснование необходимости охраны дикой природы, стало особенно активным в XIX в. в Северной Америке, Западной Европе и России (Борейко, 2001, 2008, 2013). Ее последовательными выразителями были как ученые-натуралисты, опиравшиеся на рациональное понимание идеи щадящего природопользования, так и гуманитарии с их «романтическим» видением гармонии природы и места человека в ней. Все они вносили свой посильный вклад в то, чтобы идея биотоцентризма овладевала умами людей и становилась действующей силой.

Раньше других природоохранная стратегия начала оформляться в Северной Америке, где одним из наиболее активных ее сторонников был дипломат и лингвист Дж. Марш (George Perkins Marsh, 1801–1882) со своей книгой «Man and Nature» (Marsh, 1864). Основным результатом его активности можно считать оформление «программы Марша», согласно которой для охраны природы необходима организация обширных охраняемых территорий — национальных парков, находящихся под государственной защитой. В них запрещается почти всякое хозяйственное вмешательство, но допускается определенная экосистемная регуляция и поощряется экологический туризм. Так исподволь начали формироваться три важных положения природоохранной стратегии — принципы *относительной заповедности, государственности и эквоспитания*.

В Западной Европе одной из центральных фигур в ранней истории развития природоохранной стратегии стал германский ботаник-эколог Гуго Конвенц (Hugo Wilhelm Conwentz, 1855–1922) со своим основополагающим трудом «Die Gefährdung

der Naturdenkmäler» (Conwentz, 1904). Он закрепил в начинающем формироваться природоохранном тезаурусе введенный в начале XIX в. А. фон Гумбольдтом термин *памятник природы*, под которым тот понимал всякий необычный природный объект, производящий на человека особенное впечатление; из этого видно, что Гумбольдт в определенном смысле уподоблял «памятник природы» памятнику искусства или культуры, т. е. собственно «природного» в этом термине у него было не слишком много (Мукало, 2013). Со временем в этом во многом этико-эстетическом понятии появится больше «естества» и под «памятником природы» станут понимать локальные природные комплексы, значимые как особые явления природы: лесной массив, озеро или болото, место крупного сезонного скопления животных (зимовка, гнездовая колония) и т. п. Такие «памятники», по мнению Конвенца, должны пользоваться абсолютной защитой в том смысле, что для них исключено любое вмешательство человека: данное условие является ключевым пунктом принципа *абсолютной заповедности*.

В России среди ученых, первыми поднявших свой голос в защиту дикой природы, наиболее заметным был профессор Санкт-Петербургского университета почвовед Василий Васильевич Докучаев (1846–1903). Его основные природоохранные идеи изложены в отчете о работе «Особой экспедиции по облесительным и обводнительным работам в степях южной России» (1895 г.), организованной Лесным департаментом Министерства государственного имущества (Борейко, 2001). Докучаев отстаивал необходимость создания сети охраняемых степных участков, не охваченных хозяйственной деятельностью человека, для изучения первозданной природы. При этом он обращал особое внимание на то, чтобы на каждом таком участке была устроена научная станция для исследований происходящих на нем естественных процессов. Так в природоохранную стратегию был введен *принцип научности*, акцентирование внимания на нем составило ядро природоохранной «программы Докучаева». Одним из наиболее ярких результатов ее реализации стало выделение заповедного участка «Аскания-Нова» в обширном имении Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна (1863–1920) в Таврической губ. в 1898 г. (Бабич, 1960).

Таким образом, к началу XX в. были вполне сформированы, хотя и не обозначены явным образом, некие осмысленные зачатки рационально обосновываемой природоохранной стратегии в виде нескольких наборов руководящих принципов, составляющих основу соответствующих природоохранных программ. Как было сказано выше, среди них базовым можно считать принцип заповедности в двух вариантах — частичной и абсолютной: он является «общим знаменателем» всех этих программ. В их воплощении в жизнь очень важную роль стали играть естественнонаучные общества: они инициировали обсуждение научных оснований и разработку конкретных законодательных инициатив природоохранной направленности, пропаганду идей охраны природы. В России первым из них стало Императорское Русское географическое общество (РГО), при котором усилиями геоботаника И.П. Бородина, зоологов Г.А. Кожевникова и А.П. Семенова-Тян-Шанского, физикогеографа В.П. Семенова-Тян-Шанского и др. в 1912 г. была учреждена Постоянная природоохранительная комиссия (Чибилев, Тишков, 2012, 2018). Ее наиболее активных членов, включая героя нашего очерка, по примеру известной группы российских композиторов-славянофилов, позже назовут «могучей кучкой заповедного дела» (Чибилев, 2017).

## «Программа Кожевникова»

Г.А. Кожевников включается активнейшим образом в природоохранное движение в конце 1900-х гг., получив профессорское звание и утвердившись во главе Кафедры и Музея зоологии Московского университета (Павлинов и др., 2024). Концептуальную основу его общего взгляда на проблему и задачи охраны природы составляет принцип абсолютной заповедности, а в его рамках — центральный «вопрос о праве первобытной природы на существование» (Кожевников, 1909а, с. 18). Безусловно, положительный ответ на него в качестве «биоэтического императива» предписывает человеку рассматривать живую природу как сверхценность, а ее сохранение — как сверхзадачу, не требующую дополнительного обоснования с экономической, политической или еще какой-либо прагматической точки зрения. Свою позицию Г.А. впервые озвучивает чуть ли не афористически на Акклиматизационном съезде в Москве в 1908 г.: в дикой природе «не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе» (Там же, с. 26). Эту же мысль он отстаивает на 2-м Всероссийском съезде охотников в Москве в 1909 г.: в основу устройства заповедников должен быть положен «лишь один главный принцип, от систематического и строгого соблюдения которого зависит все: *полная неприкосновенность*» (Кожевников, 1911, с. 376; курсив ориг.).

«Программа Кожевникова» выработана на основе творческого осмысления и соединения всех выше указанных «программ» более частного порядка в единое целое. Г.А. подходит к ее обоснованию и реализации как ученый-естествоиспытатель, исходя из потребностей не только самой нетронутой природы, но также и науки (необходимость исследования природы) и научно обосновываемой практики (необходимость разумной эксплуатации природы). Одновременно с этим Кожевников акцентирует внимание на том, что стратегия охраны природы может быть осуществлена только при активном участии в ней всего общества и безусловной поддержке государственных институтов. Таким образом, его природоохранная программа фактически представима как компромиссное соединение двух базовых установок природоохранного движения, имеющих разное целеполагание. Ее природно-этическая часть подразумевает необходимость сохранения первозданной природы как таковой, ее хозяйственно-прагматическая часть предусматривает разумное использование природы как средства существования человека.

Детализация этих двух базовых составляющих позволяет представить «программу Кожевникова», как она видится авторам этих строк, включающей пять взаимосвязанных, хотя частью и разнонаправленных, фундаментальных принципов. Ее стержнем является принцип *экосистемности*, который по сути можно считать онтологическим и отчасти мировоззренческим; его уточнением является принцип *локальности*. Эти два принципа дополняет принцип *научности*, имеющий во многом эпистемический характер. Принципы *государственности* и *эковоспитания* вносят в «программу Кожевникова», если она претендует на осуществимость, очевидные и совершенно неизбежные элементы прагматичности. В практическом плане ядро этой «программы» составляют два важнейших пункта, выражающие ключевые условия ее реализации: а) как цель — *организация заповедников* как особо охраняемых локальных территорий с характерными природными комплексами, на которых реально осуществляется природоохранная деятельность, и б) как средство — *законо-*

дательное обеспечение этой деятельности на государственном уровне и воспитание у людей понимания смысла и задач охраны природы.

Далее мы кратко характеризуем ключевые принципы природоохранной «программы Кожевникова».

### Принцип экосистемности

Данный принцип является важным уточнением общего принципа экологичности, который Г.А. Кожевников рассматривал в качестве основополагающего в своей природоохранной программе (не называя ее так). Он вводится рационально на строго научной основе, апеллируя не к этике (и тем более не к эстетике) как таковой, а к базовым идеям зарождающейся в то время науки биоценологии (экологии сообществ, синэкологии; впрочем, в начале XX в. этих терминов еще не было). Одну из этих идей Г.А. формулирует в публичной лекции «Борьба за жизнь у животных и людей» (декабрь 1914 г.) в форме некоего фундаментального закона живой природы, основной смысл которого — «великое установленное природой равновесие» (Кожевников, 1914, л. 24). Здесь руководящим является представление о сложных взаимосвязях между разными видами животных и растений, из которых складываются природные сообщества (биоценозы); эти взаимосвязи формируются в процессе эволюции под действием естественного отбора. Они являются результатом длительного исторического развития, приводящего к равновесию и тем самым устойчивости природных сообществ; их разрушение обычно является результатом катастрофических внешних воздействий. В настоящее время к числу последних относится интенсивная хозяйственная деятельность человека, которая приводит к нарушению этого устойчивого, естественным образом сложившегося динамического равновесия, к деградации природных экосистем и к вымиранию видов.

Примечательно, что Г.А. Кожевников видит возможные причины вымирания видов не только в истребительном воздействии на них внешних факторов, но и в самой их природе — в утрате видами некой «жизненной силы», которой они изначально (при возникновении) обыкновенно бывают наделены. Такой взгляд на эволюционную судьбу видов Г.А. связывает с действием еще одного особого «великого биологического закона», который он формулирует следующим образом: «без вымирания предков невозможно совершенствование потомков» (Кожевников, 1908а, л. 34). Этому важному вопросу посвящено его специальное выступление «Вымирание животных» — первоначально как статья в журнале «Охотничий вестник» в 1907 г. (Кожевников, 1907), а затем как одноименная публичная лекция, читанная в 1908 г. в Московском музее прикладных знаний (Кожевников, 1908а). Он предполагает, что «если существует естественная смерть отдельной особи, то быть может, существует и естественная смерть вида, рода, семейства, отряда и т. д.»; по этой причине, если «вид изжил свою энергию, <...> одряхлел», он оказывается обреченным на вымирание и его, может быть, уже невозможно сохранить (Кожевников, 1907, с. 77). В отличие от этого природное сообщество, как гармоничная совокупность многих видов, наделено большей «жизненной силой» или «жизненной энергией» и поэтому более устойчиво к разрушительному воздействию человека.

Такое понимание одной из причин «естественного» вымирания видов приводит Г.А. к весьма важному заключению. Обосновывая задачу создания заповедников, он определяет подлежащие охране объекты не как отдельные «памятники природы», а как целые природные сообщества: это значит, что необходимо охранять среду

обитания видов, а не виды как таковые (хотя и это, разумеется, тоже нужно делать). Например, рассматривая с этой точки зрения задачу выживания зубра, очень актуальную в начале XX в., Кожевников уверяет, что для этого необходимо сохранять «первобытный лес в возможно неприкосновенном виде» (Кожевников, 1909b, с. 345). Этот важнейший тезис принципа экосистемности составляет основу всей современной природоохранной стратегии (Штильмарк, 2005; Борейко и др., 2018).

Важно иметь в виду, что в центре внимания Г.А. Кожевникова была именно *живая* природа во всем ее сложном многообразии. Об этом, как нам кажется, косвенно свидетельствует его отношение к центральному в то время понятию «памятник природы». По мнению Г.А., «в нем есть что-то грустное, как бы похоронное... Ведь памятники ставят над умершими...» (Кожевников, 1926a, с. 3). Вероятно, в исходном иноязычном термине (*monument de la nature*, *Naturdenkmaler*), особенно в его последующей природоохранном толковании, не подразумевается такой неперенной «похоронной» коннотации (Conwentz, 1904), но в его буквальном переводе на русский язык она не только проявилась, но даже стала чуть ли не основной (Даль, 1865, с. 10).

Важной частью общих представлений Кожевникова о природном равновесии, составляющих фундамент принципа экосистемности, является понимание того, что в равновесном природном сообществе все виды одинаково важны для его нормального функционирования; «полезными» же или «вредными» их считает человек в основном в отношении самого себя и своей деятельности. С этой точкой зрения, совершенно чуждой обывательскому взгляду на природу, он познакомился в 1907 г. на лекциях проф. К. Экштейна (Karl Eckstein, 1859–1939) в Эберсвальдском университете в Германии. Излагая ее на охотничьем съезде, Кожевников старается объяснить присутствующим, «что хищники являются до некоторой степени полезными в охотничьих хозяйствах, так как они содействуют проявлению закона естественного отбора, важное значение которого в жизни природы было, как вы, конечно, знаете, так ярко выставлено Дарвином» (Кожевников, 1911, с. 373).

Впрочем, когда у Г.А. Кожевникова «экологическое мышление» вступает в острое противоречие с антропоцентризмом и диктуемым им прагматизмом, он все-таки может отдавать приоритет второму. Это происходит в тех случаях, когда речь заходит о хищных зверях, традиционно и безусловно считающихся «вредными для человека». Так, в докладе «Человек как истребитель и охранитель природы» (читан на заседании ВООП в 1925 г.) Г.А. уверяет своих слушателей, что «когда говорят о таком хищнике как волк, то, конечно, можно говорить только о его истреблении» (Кожевников, 1925, л. 15).

### Принцип локальности

Этот принцип служит важным операциональным уточнением принципа экосистемности: он подразумевает (см. выше), что в сложившейся ситуации природоохранная деятельность должна быть направлена не на «природу вообще», а на конкретные (локальные) природные сообщества (Штильмарк, 2005).

Из этого неизбежно вытекает основная практическая задача всякой природоохранной программы — необходимость «устройства заповедников, где участки природы изымаются навсегда из всякого хозяйственного использования» и природа предоставляется самой себе за счет максимального ограничения вмешательства человека в природную среду (Кожевников, 1926, с. 32–33). В этих заповедниках «пусть природа делает свое дело <...>. Мы должны только наблюдать, а не исправлять или улучшать»

(Кожевников, 1910, с. 219). Для соблюдения этого важнейшего условия «в основу устройства таких “заповедников”» должен быть положен упомянутый выше «главный принцип» — их «полная неприкосновенность» (Кожевников, 1911, с. 376; курсив. ориг.); последнее означает, что «всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы» (Кожевников, 1909а, с. 24). Таким образом, принцип локальности может трактоваться как уточнение более общего принципа заповедности, упомянутого выше.

### Принцип научности

У Г.А. Кожевникова он прочно связан с принципом экологичности и имеет двойной смысл. С одной стороны, схема размещения на территории России заповедников как участков природы, особо охраняемых от «всякого хозяйственного использования», должна обосновываться научными представлениями о природной зональности суши и типичных ландшафтно-экологических системах, чтобы каждая из них была представлена в этой схеме несколькими территориально удаленными друг от друга участками. Такая схема была разработана В.П. Семеновым-Тян-Шанским и обсуждена на заседании Природоохранительной комиссии при РГО в 1917 г. (Чибилев, 2017; Чибилев, Тишков, 2018). С другой стороны, организация заповедников как таковых, с точки зрения Г.А., нужна далеко не в последнюю очередь для научных целей — для того, чтобы изучать природу «такой, какая она есть, без вмешательства человека» (Кожевников, 1925, л. 24).

Во втором случае, рассуждая о природоохранной стратегии как увлеченный ученый-естественник, Кожевников полагает, что «только невмешательство в жизнь природы делает ее *научно-интересной*» (Кожевников 1928, с. 381; курсив наш), поэтому «чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить ее в ее первобытной неприкосновенности» (Кожевников, 1909а, с. 24). Рассматривая смысл создания заповедников с этой точки зрения, Г.А. задает риторический вопрос «Какая цель сохранения таких нетронутых участков?» — и тут же отвечает на него следующим образом (Кожевников, 1909а, с. 25): эта цель:

Прежде всего чисто научная, а затем, конечно, и практическая, т. к. только научное изучение природы дает нам прочные основы для практической деятельности. <...> Если мы об этом не позаботимся, то область нашего будущего изучения сильно сократится и многие вопросы останутся навсегда нерешенными, <...> мы не сможем разгадать целого ряда интересных загадок, которые ставит нам животная и растительная жизнь.

Кожевникову вторит его коллега А.П. Семенов-Тян-Шанский, который среди основных целей охраны «участков свободной природы» указывает, что они «нам нужны, прежде всего, для целей изучения и поучения» (Семенов-Тян-Шанский, 1919, с. 212).

Как видно, второй тезис принципа научности при всей «абстрактной» справедливости в своей основе является вполне прагматическим и поэтому косвенно вступает в противоречие с основной природоохранной идеей. Действительно, с одной стороны, как видно из приведенной цитаты, изучать природу нужно, исходя из узкоутилитарных соображений — чтобы иметь «прочные основы для практической деятельности». С другой стороны, в упоминании «научной интересности» в таком контексте подспудно присутствует «широко научный» прагматизм, из-за чего здесь может возникать некая неприятная закавыка. Действительно, если особого «науч-

ного интереса» для исследовательского сообщества в каких-то участках нет — не означает ли это, что их сохранение в первоизданном виде оказываются не очень-то и нужным?

### Принцип государственности

Этот принцип, составляющий одну из важнейших компонент «программы Кожевникова», подразумевает непереносимое участие государства в природоохранной деятельности в качестве одного из ее ключевых субъектов. Г.А. Кожевников рассматривает его с разных позиций, в том числе сугубо научной: он убежден, что «заповедные участки имеют громадное <...> значение, а потому устройство их должно быть прежде всего делом *государственным*. <...> Государство должно здесь идти впереди» (Кожевников, 1909а, с. 26; курсив наш).

Кожевников несомненно прав в том, что для налаживания охраны природы необходимо разрабатывать соответствующее законодательство — а это как раз и является прерогативой государства. А чтобы заинтересовать это пресловутое «государство» (точнее, государственных чиновников, действующих от его имени) в реализации своей прерогативы, Кожевников считает необходимым объявить, что «живущие на свободе дикие животные, звери и птицы признаются *государственным* достоянием» (Кожевников, 1909а, с. 26; курсив наш) и что в конечном итоге вся природа составляет «*собственность государства* <...>. Вся земля, все леса с их животным населением являются собственностью государства» (Кожевников, 1926, с. 15–16; курсив ориг.). В таком понимании одного из важных организующих начал природоохранной деятельности Г.А. был совсем не одинок. Даже такой признанный природоохранитель-«эстет», как А.П. Семенов-Тянь-Шанский, кратко обсуждая основные позиции стратегии природоохранного движения в России, представляет ее как «план общего государственного строительства» (Семенов-Тянь-Шанский, 1919, с. 210).

Такая государственническая позиция героя нашего очерка отчасти понятна из содержания его «Объяснительной записки к проекту декрета об охоте», представленной в Природоохранительную комиссию Наркомпроса в 1920 г.: в ней он пишет, что объявление дичи «*общенародным* достоянием» дает повод «к неправильным толкованиям» этого принципа (Кожевников, 1920, л. 2; курсив ориг.). Действительно, ведь «общенародное достояние» легко может быть истолковано любым человеком так, что оно — в том числе и «мое собственное», а коли так, то я могу распоряжаться им по своему усмотрению. Поэтому, например, протестуя против сбора яиц болотной дичи (уток и т. п.), Г.А. подчеркивает, что «эти яйца составляют *собственность государства* наравне со всею дичью, со всеми лесами и болотами. Чем больше будет дичи, тем выгоднее для государства, а, следовательно, и для всего народа» (Кожевников, 1926, с. 15; курсив ориг.).

Вместе с тем принцип государственности, если придавать ему слишком большое значение, может становиться помехой для нормальной реализации природоохранной стратегии. Это возникает тогда, когда государство присваивает себе слишком много регулирующих функций, из-за чего возникают две серьезные проблемы. С одной стороны, при таком прочтении названного принципа основной смысл природоохранной проблематики выхолащивается за счет ее увязывания с государственной экономикой и решением экономических задач. Сам Г.А. отчасти впадает в эту крайность в конце 1920-х гг., вынужденно подстраиваясь под все возрастающее давление «природопотребителей» в СССР, о чем свидетельствует содержание тези-

сов его публичной лекции «Охрана природы и экономика страны» (вторая половина 1920-х гг., место чтения не указано)<sup>1</sup>. С другой стороны, злоупотребление этим принципом в тоталитарной государственной системе порождает патернализм — упование на то, что в деле охраны природы «государство должно идти впереди» и все регулировать «сверху». В нормально же устроенной демократической системе данный тезис неверен по своей сути: именно общественная инициатива «снизу» побуждает чиновников заниматься охраной природы, примером чему служит активность самого героя нашего очерка.

Рассматриваемый принцип какими-то частями подпитывается той разновидностью патриотизма, при которой родина отождествляется с государством. Таков внутренний настрой большинства отечественных природоохранителей первой половины XX в., в том числе Г.А. Кожевникова. Хотя и понимая всю важность международных усилий в деле охраны природы, они по вполне понятным причинам озабочены более всего сохранением именно российской природы, а в связи с этим чрезмерно большое значение придают роли Российского государства. Наглядным проявлением такой государственно-патриотической позиции героя нашего очерка служит его мнение об участии России в конфликтной ситуации с освоением и охраной природных ресурсов на о. Шпицберген, возникшей в середине 1910-х гг. В своем письме к И.П. Бородину он удивляется тому, что:

Наше М. Инстр. дел от него отрещивается: ведь это лакомый кусок! А кто не будет участвовать в обсуждении вопросов, касающихся Шпицбергена, тот будет терять на него права. <...> Поверьте — громадная ошибка наша будет, если мы не будем цепляться за Шпицберген при всяком поводе. <...> «Охрана природы» это частность, но это одна из тех прицепок, на которых потом основываются притязания: «Мы охраняем» — значит «это наше»<sup>2</sup>.

### Принцип эковоспитания

Данный принцип в рамках природоохранной «программы Кожевникова» дополняет принцип государственности в двух важных отношениях. С одной стороны, как полагает Г.А., необходимо воспитание уважения к природоохранительному законодательству. Особую значимость этой работы он видит в том, что «идея законности вообще очень слаба в нашем обществе, а по отношению к охоте ее вовсе нет. <...> Необходимо, чтобы сознание законности и незаконности охоты и в смысле срока, и в смысле места, широко и глубоко проникло в сознание нашего общества» (Кожевников, 1908b, с. 259, 261). С другой стороны, Кожевников понимает, что идея охраны природы только тогда станет приносить свои чаемые плоды, когда ее осознают все члены «культурного общества» — и чиновники высокого ранга, которые разрабатывают законодательную базу природоохранной деятельности, и простые люди, которые в своей повседневной жизни соприкасаются с дикой природой. Уповая на формирующую роль воспитания, Кожевников в упомянутом выше докладе «Человек как истребитель...» полагает вполне справедливо, что «никакие законы не смогут охранить природу, если само население не будет сознательно к этому относиться» (Кожевников, 1925, л. 24). Но далее он продолжает — скорее как мечтатель, принимающий жела-

<sup>1</sup> Архив Московского государственного университета (АрхМГУ). Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 102.

<sup>2</sup> Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 219. Л. 4, 4 об.

емое за действительное, нежели как здравомыслящий гражданин, — что «если это будет в сознании народа, тогда и законы, пожалуй, будут не нужны, и дело охраны природы пойдет само собой» (Там же).

В связи с этим Г.А. Кожевников придает особое значение воспитанию «сохранительного» отношения к животным и растениям, как говорится, «с младых ногтей», справедливо полагая, что природоохранительная «пропаганда среди подрастающего поколения — одна из весьма действительных мер» (Там же). Чуть ли не ключевой частью этой «пропаганды» он считает прививание учащимся правильного естественного «миросозерцания» (выражение Г.А., см. первую статью нашего цикла), составной частью которого должен стать «биоэтический императив» — понимание всей важности бережного, а не хищнического отношения к этой природе. Об этом Г.А. убедительно говорит в докладе «О постановке преподавания естественной истории...» на Съезде преподавателей естественных наук в 1912 г. и затем в специальной брошюре «Школьный учитель и охрана природы» (Кожевников, 1912, 1926).

Обращаясь в этой брошюре к учителям, Кожевников в заключение произносит что-то вроде пафосной «проповеди» о необходимости воспитания у учащихся осмысленной общегражданской позиции. Так, он пишет: «в охотничьем законе сказано, что сбор яиц формально воспрещается. Вот и конец для формальной стороны дела. Запрещено законом, а всякий гражданин, желающий жить в данной стране, обязан подчиняться ее законам» (Там же, с. 15). И дальше, уже забыв о природоохранной проблематике, Г.А. горячо провозглашает: «Воспитывать в подрастающем поколении уважение к законам и закреплять сознательное отношение к их соблюдению является одной из основных задач школы» (Там же, с. 17). Правда, и здесь Г.А. очевидным образом подпадает под влияние своего «wishful thinking»: он забывает, что этот призыв имеет смысл только в демократическом государстве, обеспечивающем соблюдение фундаментального принципа равенства всех его граждан перед законом; а этого не бывает в тоталитарном государстве с его квазифеодальной системой общественных отношений, в которой «приближенным — все, а остальным — запретительные законы».

### Печальный эпилог

Отстаивая базовые принципы и задачи своей природоохранной программы, Г.А. Кожевников руководствуется присущим ему историческим оптимизмом: он верит в то, что «тот самый ум, который позволил [человеку] изобрести средства истребления», ныне «восстает против того, чтобы звери и птицы были окончательно истреблены — и вот создаются охранительные законы, создается защита природы» (Кожевников, 1914, л. 24). По-видимому, в этом для него проявлялся все тот же закон природного равновесия, согласно которому всякому действию есть свое противодействие: человеку-«истребителю» теперь все активнее противостоит человек-«охранитель». Именно вера героя нашего очерка и в этот всемогущий природный закон, и в человеческий разум, который нацелен не только на истребление и разрушение, но и на сохранение и созидание, побуждает его активно включиться в природоохранное движение в России первой трети XX в. в качестве одной из его наиболее значимых фигур. В частности, в 1924 г. Г.А. принимает активнейшее участие в организации Всероссийского общества охраны природы (ВООП), становится ненадолго предсе-

дателем его временного президиума и руководит работой по организации его первого съезда (Павлинов и др., 2024).

Весьма продуктивная деятельность Кожевников в этой сфере прерывается на рубеже 1920-х и 1930-х гг. резким поворотом интересов правящей верхушки Советского государства от «природосохранения» к «природопотреблению». В его основе лежит убежденность коммунистических руководителей в а) безусловном верховенстве человека над природой, который волен подчинять ее своим преобразовательным устремлениям, и б) безграничных возможностях человека в реализации этих устремлений (Соколов, 2010). Охваченные всепобеждающим революционным ражем, новоявленные «природообразователи» обещают «в ближайшие годы [дать] победный бой уже не Врангелю, а природе» (цит. по: Шноль, 2010, с. 135). В 1930 г. при Наркомпросе создают Комиссию по идеологической проверке деятельности ВООП, на бюрократическом «новоязе» того времени называемую «Комиссией по чистке»: ее глава призывает распустить это общество как «вредительское», причем одним из существеннейших недостатков указана слабая «партийная прослойка» в нем (Борейко, 2003). На следующий год Комитет охраны памятников природы преобразуют в Комитет содействия развитию природных богатств, на созванной им в 1931 г. конференции функционер Наркомпроса В.Н. Макаров заявляет, что «все заповедники должны решительно и последовательно увязать всю свою теоретическую работу с разрешением общих хозяйственных проблем СССР и обороны страны» (Макаров, 1931, с. 248). В январе 1933 г. на 1-м Всесоюзном съезде по охране природы в СССР происходит окончательное обрушение всех надежд истинных «природосохранителей», оставшихся верными своему «биоэтическому императиву». Один из основных докладчиков съезда, все тот же В.Н. Макаров, призывает «сдать в мусорный ящик» идею неприкосновенности заповедников и впредь «давать решительный отпор <...> оставшимся кое кем в живых» ее сторонникам (Макаров, 1935, с. 24–25).

Вероятно, руководствуясь принципом «лучше что-то, чем ничего», Н.М. Кулагин (одно время возглавлял выше названный Комитет охраны) и Г.А. Кожевников публикуют в 1930 г. в только что учрежденном журнале «Охрана природы» нечто вроде программной статьи, в которой излагают официальный взгляд на «современную постановку дела охраны природы». Он состоит в том, что отныне «охрана природы рассматривается как один из основных базисов социалистического строительства хозяйства. Охрана природы это ряд мероприятий, направленных на сохранение и рациональное использование основных природных фондов страны в интересах хозяйственных и культурных» (Кулагин, Кожевников, 1930, с. 122). Как видно, в этой формулировке нет и намек на ключевую идею природоохранной «программы Кожевникова»: вместо этого повторен один из главных тезисов «природообразователей».

Но эта примиренческая позиция не спасла Григория Александровича от шельмования на только что названном съезде. Очерненный в своих лучших устремлениях и потрясенный тем, что одно из важнейших дел всей его жизни стремительно уничтожается на его глазах, он за несколько дней до завершения съезда скончался от обширного инсульта...

## Благодарности

Авторы в признательны Н.П. Каргиной и Е.В. Лепениной за большую помощь в работе с рукописными материалами Г.А. Кожевникова, хранящимися в архиве МГУ им. М.В. Ломоносова, и Ю.М. Барановой за содействие в работе с этими материалами; Е.А. Анненковой и Т.В. Хромцовой за помощь в работе с письмами Г.А. Кожевникова, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале архива РАН; А.А. Чибилеву (Институт степи Уральского отделения РАН) за комментарии к раннему варианту данной статьи.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.*

## Литература

*Бабич А.Д.* Степной оазис Аскания-Нова. Харьков: Изд-во Харьковского гос. университета, 1960. 204 с.

*Борейко В.Е.* Очерки о пионерах охраны природы. Т. 1. Киев — М.: Киевский эколого-культурный центр, 1996. 258 с.

*Борейко В.Е.* Словарь деятелей охраны природы, Изд. 2-е. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. 395 с.

*Борейко В.Е.* Белые пятна природоохраны, Изд. 2-е. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2003. 292 с.

*Борейко В.Е.* История охраны дикой природы в США. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2008. 80 с.

*Борейко В.Е.* Классики концепции абсолютной заповедности. Киев: Логос, 2013. 48 с.

*Борейко В.Е., Бриних В.А., Парникоза И.Ю.* Заповедность (пассивная охрана природы). Теория и практика. Киев: Логос, 2018. 136 с.

*Вайнер (Уинер) Д.Р.* Экология в Советской России. Архипелаг Свободы : заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 400 с.

*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 3. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1865. 508 с.

«Декларация Рио». Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/riodecl.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml) (дата обращения: 02.07.2024).

*Кожевников Г.А.* Зоологические заметки. I. Вымирание животных // Охотничий вестник. 1907. № 5. С. 77–80.

*Кожевников Г.А.* Вымирание животных. Публичная лекция в Московском музее прикладных знаний. 1908а. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 89. [Перепечатано в: Павлинов и др. 2024, с. 527–539.]

*Кожевников Г.А.* К вопросу о незаконной охоте // Охотничий вестник. 1908b. № 16. С. 258–261.

*Кожевников Г.А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 года в Москве, вып. 1. Общие собрания съезда. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1909а. С. 18–30.

*Кожевников Г.А.* На охотничьем съезде (факты и впечатления) // Охотничий вестник. 1909b. № 22. С. 342–346.

*Кожевников Г.А.* От мечтаний к действительности // Охотничий вестник. 1910. № 14. С. 217–219.

*Кожевников Г.А.* О заповедных участках // Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве (17–25 ноября 1909 года), ч. 2. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев, 1911. С. 371–378.

*Кожевников Г.А.* К вопросу о постановке преподавания естественной истории в мужских гимназиях. Доклад, прочитанный в 1912 г. на Съезде преподавателей естественных наук (Москва). 1912. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 92. [Перепечатано в: Павлинов и др., 2024, с. 454–461.]

*Кожевников Г.А.* Борьба за жизнь у животных и людей. Публичная лекция (место не указано). 1914. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 95. [Перепечатано в: Павлинов и др., 2024, с. 505–526.]

*Кожевников Г.А.* Объяснительная записка к проекту Декрета об охоте. 1920. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 277. [Перепечатано в: Павлинов и др., 2024, с. 598–601.]

*Кожевников Г.А.* Человек как истребитель и охранитель природы. Доклад на заседании ВООП (февраль 1925 г.). 1925. АрхМГУ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 291. [Перепечатано в: Павлинов и др., 2024, с. 505–526.]

*Кожевников Г.А.* Школьный учитель и охрана природы. М.: Главнаука, 1926. 34 с.

*Кожевников Г.А.* Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-промышленной области // Живая природа. 1928. № 12. С. 380–381.

*Кулагин Н.М., Кожевников Г.А.* К вопросу о Всесоюзном органе по охране природы // Охрана природы. 1930. № 6. С. 122–123.

*Макаров В.Н.* Тезисы доклада на сессии Госкомитета в декабре 1931 года // Природа и социалистическое хозяйство. 1931. № 9–10. С. 245–248.

*Макаров В.Н.* О государственных заповедниках РСФСР и перспективах их работы на ближайшие годы // Труды Первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. М.: Изд-во «Власть Советов», 1935. С. 22–36.

*Мукало А.С.* История формирования термина «памятник природы» в Германии в XIX — начале XX века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 50–56.

*Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю.* Финансирование природоохранной программы: обоснование и оптимизация // Проблемы региональной экологии. 2019. № 3. С. 87–90.

*Павлинов И.Я., Спаская Н.Н., Баранова Ю.М.* Григорий Александрович Кожевников (1866–1933): Неизвестная жизнь известного зоолога. Сборник трудов Зоологического музея МГУ. 2004. Т. 57. 673 с.

*Семенов-Тянь-Шанский А.П.* Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения // Природа. 1919. № 4–6. С. 200–216.

*Соколов В.В.* Очерки эколого-климатической истории России. СПб.: Российский госуд. гидрометеорологический университет, 2010. 309 с.

*Стручков А.Ю.* К столетию российских заповедников: слово о Григории Александровиче Кожевникове // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 106–112.

*Чибилев А.А.* Заповедного не трогать: к 100-летию первого проекта географической сети заповедных территорий России // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2017. № 4. С. 8–16.

*Чибилев А.А., Тишков А.А.* Столетие Постоянной природоохранительной Комиссии ИРГО. Юбилейная книга-альманах. М.: Русское географическое общество, 2012. 94 с.

*Чибилев А.А., Тишков А.А.* История заповедной системы России. М.: Русское географическое общество, 2018. 218 с.

*Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 720 с.

*Штильмарк Ф.Р.* Идея абсолютной заповедности. Киев — М.: Киевский эколого-культурный центр, 2005. 116 с.

Attfield R. Environmental philosophy: Principles and prospects. Aldershot: Avebury, 1994. 262 p.  
Conwentz H. Die Gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung. 1904, 207 p. [Издана на русском языке: Конвенц Г. Практика охраны памятников природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. 88 с.]

Marsh G.P. Man and Nature; or, physical geography as modified by human action. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1864. 472 p. [Переиздана в 1965 г.]

## Grigory Aleksandrovich Kozhevnikov (1866–1933), an underestimated figure in the history of Russian biology of the first third of the 20th century. 4. “Kozhevnikov’s program” of environmental conservation

IGOR YA. PAVLINOV\*, NATALYA N. SPASSKAYA

The Research Zoological Museum at the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

\* igor\_pavlinov@zmmu.msu/ru

The article considers, in a new light, contribution of G.A. Kozhevnikov, Professor at Moscow University, to the development of the nature conservation strategy in Russia in the first third of the 20th century. The main content of his contribution is proposed to define as the environmental conservation “*Kozhevnikov’s program*”. It is based on the general *reservation principle* with its key idea of an *absolute reservation*; five following principles are introduced to substantiate and operationalize it. The *ecosystemity principle* states that the natural communities should be protected, guided by the observance of ecological balance. The *locality principle* presumes that these are the local ecosystems that should be actually protected. According to the *scientificity principle*, these protected areas should be established (a) on a scientific background and (b) taking into consideration the needs of studying non-impacted natural sites. The *statehood principle* implies participation of the State in the environmental conservation activity as one of its key actors by developing its legislative framework. The *eco-education principle* implies the need for educational activity aimed at educating people to love wildlife and respect for the environmental legislation.

**Keywords:** G.A. Kozhevnikov, environmental conservation, “Kozhevnikov’s program”, reservation principle, ecosystemity principle, locality principle, scientificity principle, statehood principle, eco-education principle.

## References

- Attfield, R. (1994). *Environmental philosophy: Principles and prospects*. Aldershot: Avebury.  
Babich, A.D. (1960). *Stepnoi oasis Askania-Nova* [The steppe oasis of Askania Nova]. Kharkiv: Kharkiv State Univ. Publ. (in Russian).  
Boreyko, V.E. (1996). *Ocherki o pionerakh okhrany prirody*, T. 1 [Essays on pioneers of nature conservation, V. 1]. Kyiv–Moscow: Kyiv Ecological and Cultural Center (in Russian).  
Boreyko, V.E. (2001). *Slovar’ deyatelei okhrany prirody*, Izd. 2 [Dictionary of nature conservation figures. 2<sup>nd</sup> ed.]. Kyiv: Kyiv Ecological and Cultural Center (in Russian).

- Boreyko, V.E. (2002). *Belye pyatna prirodookhrany* [White spots of environmental protection]. Kyiv: Kyiv Ecological and Cultural Center (in Russian).
- Boreyko, V.E. (2008). *Istoriya okhrany dikoi prirody v SShA* [The history of wildlife conservation in the USA]. Kyiv: Kyiv Ecological and Cultural Center (in Russian).
- Boreyko, V.E. (2013). *Klassiki kontseptsii absolyutnoi zapovednosti* [Classics of the concept of absolute reservation]. Kyiv: Logos (in Russian).
- Boreyko, V.E., Brinikh, V.A., Parnikoza, I.Yu. (2018). *Zapovednost' (passivnaya okhrana prirody). Teoriya i praktika* [Nature reservation (passive nature conservation). Theory and practice]. Kyiv: Logos (in Russian).
- Chibilev, A.A. (2017). *Zapovednogo ne trogat': k 100-letiyu pervogo proekta geograficheskoi seti zapovednykh territorii Rossii* [Never touch reserves: To the 100th anniversary of the first project of the geographical network of protected areas of Russia]. *Izvestiya Dagestanskogo gosud. pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i tochnye nauki*, 4, 8–16 (in Russian).
- Chibilev, A.A., Tishkov, A.A. (Eds.). (2012). *Stoletie Postoyannoi prirodookhranitelnoi Komissii IRGO. Yubileinaya kniga-almanakh* [The centenary of the Permanent Nature Protection Commission of the Imp. Russ. Geogr. Soc. Jubilee book-almanac]. Moscow: Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo (in Russian).
- Chibilev, A.A., Tishkov, A.A. (2018). *Istoriya zapovednoi sistemy Rossii* [The history of the Russian nature reserve system]. Moscow: Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo (in Russian).
- Conwentz, H. (1904). *Die Gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung*.
- Dal', V.I. (1865). *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka, Pt. 3* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Tipogr. Lazarevskogo Inst. Vostochnykh Yazykov (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1907). *Zoologicheskie zametki. I. Vymiranie zhivotnykh* [Zoological notes. I. Extinction of animals]. *Okhotnichii vestnik*, 5, 77–80 (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1908a). *Vymiranie zhivotnykh. Publichnaya leksiya v Moskovskom muzee prikladnykh znaniy* [The extinction of animals. Public lecture at the Moscow Museum of Applied Knowledge]. *Archive MSU. F. 200. In. 1. F. 89* (in Russian). [Reprinted in Pavlinov et al., 2024, pp. 527–539.]
- Kozhevnikov, G.A. (1908b). *K voprosu o nezakonnoi okhote* [On illegal hunting]. *Okhotnichii vestnik*, 2, 258–261 (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1909a). *O neobkhodimosti ustroystva zapovednykh uchastkov dlya okhrany russkoi prirody* [On the need to establish protected areas for the protection of Russian nature]. In *Trudy Vserossiiskogo yubileinogo akklimatizatsionnogo s"ezda 1908 goda v Moskve*, Vyp. 1. Obshchie sobraniya s"ezda. Moscow: O.L. Somova Print, pp. 18–30 (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1909b). *Na okhotnich'em s"ezde (fakty i vpechatleniya)* [At the hunting congress (facts and impressions)]. *Okhotnichii vestnik*, 22, 342–346 (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1910). *Ot mechtanii k deistvitel'nosti* [From dreams to reality]. *Okhotnichii vestnik*, 14, 217–219 (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1912). *K voprosu o postanovke prepodavaniya estestvennoi istorii v muzhskikh gimnazyakh* [On the issue of organizing the teaching of natural history in men's gymnasiums]. *Archive MSU. F. 200. In. 1. F. 92* (in Russian). [Reprinted in Pavlinov et al., 2024, pp. 454–461.]
- Kozhevnikov, G.A. (1914). *Borba za zhizn u zhivotnykh i lyudei. Publichnaya leksiya* [The struggle for life in animals and humans. Public lecture]. *Archive MSU. F. 200. In. 1. F. 95* (in Russian). [Reprinted in Pavlinov et al., 2024, pp. 505–526.]
- Kozhevnikov, G.A. (1920). *Obyasnitelnaya zapiska k projektu Dekreta ob okhote* [An explanatory note to the draft Decree on Hunting]. *Archive MSU. F. 200. In. 1. F. 277* (in Russian). [Reprinted in Pavlinov et al., 2024, pp. 598–601.]
- Kozhevnikov, G.A. (1925). *Chelovek kak istrebitel i okhranitel prirody* [Man as a destroyer and protector of nature]. *Archive MSU. F. 200. In. 1. F. 291* (in Russian). [Reprinted in Pavlinov et al., 2024, pp. 602–610.]
- Kozhevnikov, G.A. (1926). *Shkolnyi uchitel i okhrana prirody* [Schoolteacher and nature protection]. Moscow: Glavnauka (in Russian).
- Kozhevnikov, G.A. (1928). *Vopros ob okhrane prirody na Estestvenno-istoricheskom soveshchanii Tsentral'no-promyshlennoi oblasti* [Nature protection at the Natural History Meeting of the Central Industrial Region]. *Zhivaya priroda*, 12, 380–381 (in Russian).
- Kulagin, N.M., Kozhevnikov, G.A. (1930). *K voprosu o Vsesoyuznom organe po okhrane prirody* [On the issue of the All-Union body for nature protection]. *Okhrana prirody*, 6, 122–123 (in Russian).
- Makarov, V.N. (1931). *Tezisy doklada na sessii Goskomiteta v dekabre 1931 goda* [Abstracts of a report at the session of the State Committee in December 1931]. *Priroda i Sotsialisticheskoe khozyaistvo*, 9–10, 245–248 (in Russian).

Makarov, V.N. (1935). *O gosudarstvennykh zapovednikakh RSFSR i perspektivakh ikh raboty na blizhaishie gody* [On state nature reserves of the RSFSR and prospects of their work for the coming years]. In *Trudy Pervogo Vsesoyuznogo s'ezda po okhrane prirody v SSSR*. Moscow: Vlast' Sovetov Publ., pp. 22–36 (in Russian).

Marsh, G.P. (1864). *Man and Nature; or, Physical geography as modified by human action*. Cambridge: Harvard Univ. Press (Republished in 1965).

Mukalo, A.S. (2013). *Istoriya formirovaniya termina "pamyatnik prirody" v Germanii v XIX — nachale XX veka* [The history of the formation of the term "nature monument" in Germany in the 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Nauki o Zemle*, 13(1), 50–56 (in Russian).

Pavlinov, I.Ya., Spasskaia, N.N., Baranova, Yu.M. (2024). Grigory Aleksandrovich Kozhevnikov (1866–1933): An unfamiliar life of the prominent zoologist. *Archives of Zoological Museum of Moscow State University*, 57. Moscow: KMK Sci. c Press. 673 p. (in Russian).

Rio Declaration on Environment and Development (1992). URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/riodecl.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml).

Semenov-Tyan-Shanskii, A.P. (1919). *Svobodnaya priroda, kak velikii zhivoi muzei, trebuet neotlozhnykh mer ograzhdeniya* [Free nature, as a great living museum, requires urgent protection measures]. *Priroda*, 4–6, 200–216 (in Russian).

Sokolov, V.V. (2010). *Ocherki ekologo-klimaticheskoi istorii Rossii* [Essays on the ecological and climatic history of Russia]. Saint Petersburg: Russian State Hydrometeorological Univ. (in Russian).

Shnol', S.E. (2010). *Geroi, zlodei, konformisty otechestvennoi nauki* [Heroes, villains, and conformists of Russian science]. Moscow: LIBROKOM (in Russian).

Shtil'mark, F.R. (2005). *Ideya absolyutnoi zapovednosti* [The idea of absolute reservation]. Kyiv: Kyiv Ecological and Cultural Center

Weiner, D.R. (1988). *Models of nature: Ecology, conservation, and cultural revolution in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana Univ. Press.